

Притчевый смех и смех в притче (к постановке проблемы)

Смех в притче — явление практически не изученное. Причина заключается в том, что притча традиционно считается жанром серьезным, «пафосным». Так, например, в некоторых посвященных данной проблеме работах между басней и притчей существенных различий не наблюдается¹, и басня отличается от притчи лишь тем, что не затрагивает сфер, где смех был бы неуместен.

Такой подход находит крайнюю степень своего выражения в утверждении, что понятия «притча» и «басня» обозначают одно и то же явление литературы и фольклора и различаются лишь в функциональном смысле. Литературная энциклопедия под редакцией А.В. Луначарского отмечает различие терминов (басня и притча) в зависимости от сферы употребления. Это различие автор статьи связывает «не столько с различиями жанра, сколько со стилистической значимостью этих слов». «Притча — слово более “высокого стиля”, чем басня, в котором есть элемент снижающего отношения к называемому так произведению; поэтому слово “притча” применялось к таким литературным произведениям, к которым применение слова “басня” в силу его... слишком светского характера считалось невозможным»². Особенно вышесказанное относилось к «неприкосновенным» произведениям церковной литературы. В качестве примера R.S.³ приводит различие семантических оттенков словосочетаний «евангельские притчи» и «евангельские басни»: во фразе «евангельские притчи» слово «притчи» можно было бы заменить на слово «басни», если бы словосочетание «евангельские басни» не выглядело кощунственным оксюмороном.

Однако в пользу перспективности исследований в данном направлении говорит тот факт, что притча сама по себе чрезвычайно тесно соприкасается с жанрами, в которых смеховая компонента выражена чрезвычайно ярко. Речь идет о басне и анекдоте.

Рассматривать притчу и басню сквозь призму сферы употребления и типа пафоса — значит ходить по замкнутому кругу: с одной стороны,

---

* © Краснов А.Г., 2004.

басня и притча чуть ли не одно и то же, а с другой — в первой есть смех, а во второй его нет. Постановка притчи в смысловой центр дидактической литературы служит подспорьем такому подходу: тогда теория о сакральной серьезности находит отклик в явлении опритучевания непритчевых по структуре текстов, в гипертрофированной роли толкования.

Но ни одно из звеньев такого умозаключения не является прочным. Распутывая клубок с конца нити, обратимся к опритучеванию.

Да, классическому опритучеванию, какое мы наблюдаем в древнерусской литературе, свойственно было проявлять как дидактизм, так и другие антижанровые стратегии. Так, например, в статье С. Добротворского⁴ упоминаются притчи, из которых была изъята фабула, то есть полностью отсутствовал не только комический, но вообще занимательный элемент. Что касается пафоса: рассказав в принципе комичную ситуацию избиения слуг-воров, персонажей притчи «О слепце и хромце», средневековый рассказчик извиняется перед читателем за столь неприличное повествование.

Совсем иное отношение к смеховой компоненте в восточной притче.

«Странствующий монах мог остановиться в храме дзен, если выигрывал диспут о буддизме у монахов монастыря.

В одном таком храме жили два брата-монаха. Старший был ученым, а младший глупым и кривым на один глаз.

Однажды странствующий монах попросил приюта, вызвав их, как полагалось, на диспут о тонкостях учения. Устав за день от занятий, старший брат приказал младшему пойти вместо себя, но предупредил: «Иди и предложи дискутировать молча».

Монах и странник ушли в храм. Вскоре пришелец пришел к старшему брату и сказал:

- Твой младший брат — замечательный парень, он выиграл диспут.

- Расскажи, как все было,- попросил старший.

- Сперва я поднял один палец, представляя Будду. Он же поднял вверх два пальца, обозначая Будду и его учение. Тогда я поднял три пальца, символизируя Будду, его учение и его последователей, живущих в гармонии. На это он потряс перед моим носом сжатым кулаком, показывая, что все они происходят из одного и того же осознания. Поэтому он победил меня, и я не могу здесь больше оставаться.

И путник ушел. После этого прибежал младший брат и спросил:

- Где он?

- Ушел, ведь ты победил его.

- Я не победил, но зато сейчас я его так отделаю!

- Ну-ка расскажи мне о диспуте!

- Едва завидев меня, он тут же поднял один палец, нагло намекая на то, что у меня всего один глаз. Он человек без крова, и я решил быть с ним вежливым — поднял два пальца, поздравляя его с тем, что у него оба глаза. Тогда этот бесстыжий негодяй поднял три пальца, показывая, что у нас всего три глаза на двоих. Тут я рассвирепел и только собрался его бить, как он сбежал»⁵.

Очевидность анекдотичности вышеприведенного текста не вызывает сомнений, тогда как он взят из сборника дзен-буддийских притч. В данном случае мы видим, что опритуеванию подверглась фабула комичной истории, поучительного повествования с герменевтической тематикой.

В восточных притчах смех встречается очень часто. Так, большая часть историй о Ходже Насреддине, которые преподносятся как притчи, являются анекдотами в чистом виде. Называя анекдот «антипритчей», современные исследователи подчеркивают наличие разнознаковых, полярных, но резонансных друг другу компонентов обоих жанров. Одним из таких компонентов и является смех, который есть как в анекдоте, так и в притче.

Хотя в анекдоте, подвергнутом опритуеванию, можно найти ту апелляцию к глубинным знаниям, которая является одним из признаков притчи, исследование таких текстов, попавших в сборники притч лишь по воле авторов-составителей, вряд ли способно дать доступ к глубинным механизмам притчевого смеха. Ситуативный смех анекдота — явно не то, что мы ищем.

Попытаемся определить природу притчевого смеха, отталкиваясь от самой природы комического. Комическое как источник смеха разумеет «некое отклонение от нормы, нелепость, несообразность; промах и уродство, не причиняющее страданий; внутреннюю пустоту и ничтожность, которые прикрываются притязаниями на содержательность и значимость; косность и автоматизм там, где нужны поворотливость и гибкость»⁶. «Промач», «ничтожность» и «уродство» есть понятия оценочные, предполагающие некую сетку координат, систему ценностей. Смех всегда предполагает бинарность — то, над чем смеются, и того, кто смеется.

Из всех трех жанров (анекдот, басня и притча) бинарность структуры свойственна прежде всего басне.

Источник комического в басне — в столкновении двух логик, двух правд, двух систем мышления: логики высмеиваемого и логики высмеивающего. Сферу высмеиваемого составляют персонафицированные человеческие пороки. Сфера высмеивающего более сложна: здесь и логика здравого смысла, плюс логика непреходящих ценностей, а иногда и логика трансцендентального. В соотносимости логики высмеивающего с логикой трансцендентального кроется одна из причин смешения басни и притчи. Здесь мы также можем говорить об общей основе составляющих притчи и басни, но этой основой будет не смех, но столкновение логик.

Одна из специфических черт басенного смеха — высокий уровень его интенсивности. Сюжет басни выстроен так, чтобы усилить комический эффект (в качестве примера можно привести неоднократный обмен инструментами в «Квартете» Крылова). Порой ситуация басенного сюжета также анекдотическая. Той же цели (интенсивному смеху, высмеиванию) подчинены аллегоризм, чрезвычайная утрированность образов персонажей. В притче же эффект воздействия на слушателя достигается за счет компрессии текста, обеднения образов, архаическая притча вообще избегает аллегории. Тем более что чаще всего о смешении притчи и басни говорят, когда уровень комического снижен, а дидактический элемент намеренно подчеркнут.

Таков, например, хорошо всем известный басенный сюжет «Стрекоза и муравей». Образ муравья генетически восходит к «Книге притч Соломоновых»: «Посмотри на муравья...» и прочее.

Практически все исследователи высказывают мнение, что афоризмы «Книги притч Соломоновых» не являются притчами, и с формальной точки зрения они абсолютно правы. Однако повествовательная стратегия «Книги притч Соломоновых» — это, несомненно, повествовательная стратегия притчeveго дискурса.

В фокусе эстетического сознания — деятельность муравья, не думающего, страдающего и терзающегося, а живущего. Во фразе «посмотри на муравья» нет ни сравнения, ни аналогии. Образ муравья не аллегоричен. Эстетическое сознание в данном случае интересуется лишь экзистенция, бытийственная суть муравьиной жизни, лишенной мук осознания. Поведение муравья — ключ к сакральному поведению.

Появление стрекозы в результате генезиса образа «муравьиного существования» означало становление собственно басенной фабулы: муравей, как и стрекоза, стал аллегорической, знаковой фигурой. Прото-

типом стрекозы является профанная аудитория «Книги притч Соломоновых», которой вменялось чему-то научиться у муравья. Носитель сакрального действия — муравей — стал аллегорией праведника, а стрекоза — «грешницей». Смех над стрекозой — это смех над ее «глупостью», ведь каждый знает, что за благодатным летом обязательно последует суровая зима. «Каждый» — это тот, кто смеется. Катарсис в притче также вызывается столкновением двух логик: логики трансцендентального и профанной логики. Но в отличие от сферы высмеивающего (в басне), логика трансцендентального (в притче) доступна не каждому. Более того, она недоступна и праведникам, то есть исполнителям некоего пусть нравственного, но кодекса. Басенный смех — это смех праведников над грешниками, его может понять каждый, потому что любой человек порочен. И хотя притчевый смех недоступен всем, именно его элементы в сжатом виде присутствовали в образе муравья «Книги притч Соломоновых».

Сакральное поведение логично только внутри сакральной системы. Вовне оно бессмысленно, абсурдно, нелогично и, что самое главное, при профанном отгадывании или истолковании вызывает катарсисное узнавание, а порой и смех. И, напротив, для того, кто находится внутри сакрального, прежде абсурдное описание сакрального поведения обретает смысл.

Профану-неофиту повествовалась ситуация, в которой как бы профанный быт совершает абсурдные с точки зрения профанной системы ценностей поступки (отец радушно принимает блудного сына, сеятель засеивает непаханую землю и дорогу, крестьянин не злится, когда у него убегает лошадь). При оценке неофитом нелогичных с его точки зрения поступков абсурдность ситуации принуждает искать путь, при котором поведение обретало бы хоть какой-нибудь смысл. В системе профанных ценностей осмыслить услышанное не удастся. В результате поиска «осмысленности» неофит, в порядке мыслительного эксперимента, на мгновение отказывается от профанной системы ценностей и выстраивает другую, при которой поступки притчевых персонажей приобрели бы смысл. В результате адепт проникается внутренней логичностью «абсурдных» поступков и оттуда осознает их логичность, то есть постигает сакральный смысл прежде бессмысленного поведения.

Разворачивающаяся перед нами картина в точности повторяет ситуацию опрофанывания сакральной системы, только индексы изменены. В момент, когда профан-неофит на мгновение оказывается внутри сак-

ральной системы координат и на мгновение же становится посвященным, для него абсурдной делается вся система ценностей профанного мира. В этот момент она может вызвать и смех, так как внутренне пуста и бессмысленна. Осознание неофитом свободы от профанного мира — есть катарсис освобождения.

Этот катарсис — внутренняя ценность притчи, стремление достичь которую заставляло учителей культов все чаще воспроизводить притчевую модель.

Профанное, оторванное от сути учений, но стремящееся к гармонии своего духа, смеется над сакральным карнавальным смехом. Сакральное, чтобы привлечь к себе жаждающих духовности, смеется над профанным. Таким образом, мы наблюдаем в притче присутствие сакрального смеха. Это не карнавальный смех, хотя отчасти он и развенчивает профанную действительность. Это тихий смех, легкая ирония или просто улыбка — в зависимости от того, насколько абсурдны были построения профанной логики.

Примечания

¹ Федор Касьянович Гозвинский, первый переводчик басен Эзопа на Руси (1607), ввел в культурный обиход определение жанра басни, принадлежащее Антонию мудрецу, у которого притча и басня рассматриваются как синонимы, причем это настойчиво и многократно акцентируется (См.: Княжицкий А. Притчи. Учебная книга. М., 1994. С.22.).

² R.S. Притча // Литературная энциклопедия / Под ред. А.В. Луначарского. М., 1935. С.259.

³ В четырехтомном Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей И.Ф. Масанова (М., 1958) расшифровка псевдонима R.S. отсутствует, как и в самой литературной энциклопедии под редакцией А.В. Луначарского.

⁴ Добротворский С. Притча в древне-русской духовной письменности // Православный Собеседник. Казань, 1864. С.375-415.

⁵ Притчи человечества: Антология / Под ред. В.В. Лавского. Минск, 2002. С.197-198.

⁶ Хализев В.Е. Смех, комическое, ирония // Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002. С.95.